

Историогенез и современное состояние российского менталитета

Выпуск 2

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев,
В. А. Кольцова,
Е. Н. Холондович

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УДК 159.9

ББК 88

И 90

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

И 90 Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 487 с. (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0344-0

УДК 159.9

ББК 88

В сборнике рассматриваются теоретико-методологические проблемы исследования менталитета, его трактовки в современной психологии, сущностные характеристики и факторы формирования. Освещаются различные аспекты менталитета русского народа дореволюционного периода: особенности праздничной и игровой культуры, фольклора как выразителя установок и ценностей народа, земледельческого труда русского крестьянства. Раскрыта специфика ментальности различных социальных групп современной России (поколенческих, гендерных, профессиональных, семейных). Рассмотрены особенности правового сознания и социальных представлений современных россиян о разных сторонах общественной жизни. Обсуждается вопрос о перспективах развития современного российского общества.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016

ISBN 978-5-9270-0344-0

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

- А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова.* Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования 7

Глава 1

ИСТОРИОГЕНЕЗ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

- Т. И. Артемьева.* Частушка как источник изучения образа жизни и психологии деревенской молодежи в дореволюционной России. 38
- М. И. Воловикова.* Праздничная культура как составляющая и фактор формирования российского менталитета: генезис и судьба советских ценностей и идеалов. 47
- С. В. Григорьев.* «Ломоносовская линия» в этнопсихологических исследованиях народного психологического опыта и празднично-игровой культуры 55
- О. В. Клыпа.* Истоки российского менталитета 62
- Е. Г. Синякина.* Земледельческий труд как основа, ценность и смысл жизни русского крестьянства конца XIX–начала XX столетия 71
- Е. В. Харитонова.* Представления о русском народе П. А. Кропоткина и П. Ф. Каптерева 95
- А. В. Юревич.* Факторы формирования и эволюции национальных менталитетов 105

Глава 2

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

- К. А. Абульханова, А. Н. Славская.* Менталитет и правовое сознание российской личности. 125

<i>И. А. Аполлонов, О. Р. Тучина. Исторический опыт Великой Отечественной войны в контексте национальной идентичности</i>	<i>170</i>
<i>Н. Г. Артемцева, Т. В. Галкина. Личностные представления о компонентах психологического здоровья у наших современников.</i>	<i>182</i>
<i>Н. В. Борисова. Преемственность смысловых идей в российском менталитете</i>	<i>194</i>
<i>А. А. Гостев. Отношение современных россиян к некоторым аспектам социальной и политической жизни страны.</i>	<i>206</i>
<i>Т. П. Емельянова. Коллективные воспоминания о советском прошлом представителей разных групп российского общества</i>	<i>219</i>
<i>Н. А. Журавлева. Отношение к экономическим ценностям представителей различных социальных групп в российском менталитете</i>	<i>231</i>
<i>А. Н. Захарова. Экономический менталитет в структуре российской полиментальности: социально-психологический дискурс исследования.</i>	<i>240</i>
<i>А. Ю. Какичева, И. А. Панкратова. Влияние российской ментальности на возникновение кризисов в карьере женщины.</i>	<i>252</i>
<i>А. А. Королёв. Менталитет как междисциплинарная проблема: историографический анализ.</i>	<i>260</i>
<i>А. Н. Неврюев. Взаимосвязь между верой в справедливый мир, национальной идентификацией и отношением к войне . . .</i>	<i>280</i>
<i>И. Н. Нурлыгаянов. Содержание и структура представлений о хамстве у современной молодежи.</i>	<i>288</i>
<i>Ю. Н. Олейник. Коллективистическое мировоззрение современных россиян.</i>	<i>295</i>
<i>О. С. Осипова. Ментальность сквозь призму социогенеза и перспектив развития российского общества</i>	<i>314</i>
<i>В. И. Пищик. Ментальность российских поколений Южного региона</i>	<i>330</i>
<i>О. И. Прокушенкова. Исследование ценностных и смысловых ориентаций подростков московских школ как важных составляющих ментальности молодого поколения россиян.</i>	<i>338</i>
<i>Т. В. Разина. Изменение профессиональных ценностей в менталитете трех поколений отечественных ученых . . .</i>	<i>350</i>
<i>В. Е. Семёнов. Российская идентичность, полиментальность и социальная справедливость</i>	<i>363</i>

<i>А. Г. Сулейманян. Протестные движения в современной России и мире: новые пути или старые заблуждения?</i>	<i>381</i>
<i>Б. Н. Тугайбаева. Представления о гендерных отношениях в семье как характеристика менталитета современных россиян. . .</i>	<i>396</i>
<i>Е. Н. Холодovich. Отношение россиян к богатству: историко-культурные предпосылки и современные тенденции.</i>	<i>418</i>
<i>К. Л. Церковская, С. Е. Поддубный. Ценности как конструкт менталитета российских руководителей.</i>	<i>431</i>
<i>А. А. Чекалина. Ментальность учителя: на пересечении гендера и профессии</i>	<i>440</i>
<i>Аннотации.</i>	<i>454</i>

Глава первая

ИСТОРИОГЕНЕЗ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

ЧАСТУШКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ И ПСИХОЛОГИИ ДЕРЕВЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ¹

Т. И. Артемьева (Москва)

Частушки как особая поэтическая форма народного фольклора

Важным источником воссоздания традиционного уклада жизни и психологии русского крестьянства дореволюционного периода являются продукты устного народного творчества – сказки, былины, народные песни, суеверия, приметы и т.д. Среди них особое место занимают частушки, представляющие собой одну из форм фольклора.

Частушки как специфический песенный жанр появились, как пишут современные исследователи русского фольклора (А. Кулагина и др.), более ста пятидесяти лет назад. Истоком их возникновения выступали хороводные деревенские и городские, игровые и плясовые песни, скоморошья и свадебные «смешилки». Одной из первых дошедших до нас работ, описывающих место и особенности частушки в песенной культуре и бытовой жизни русского селянина, является книга В. Александрова 1864 г. «Деревенское веселье в Вологодском уезде».

Считается, что термин «частушка» – не народного происхождения. Он был введен в литературу писателем Г. И. Успенским в его очерке «Новые народные стишки (Из деревенских заметок)» (1899)

1 Работа выполнена в соответствии с государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0002.

для характеристики песен, исполняемых деревенской молодежью на гулянье.

В частушке, как правило, в юмористической форме отражаются разные стороны повседневной жизни людей – общественные и семейные нравы, обычаи, быт, мораль, этика, эмоциональное отношение человека к действительности. «Вечно юная, вечно кипучая частушка есть бродящее вино народной жизни», – пишет выдающийся мыслитель, знаток искусства П. А. Флоренский (1909, с. 19).

Согласно А. Кулагиной, изучение этого вида народного творчества активизировалось в начале XX столетия (Кулагина, 2009). Так, в 1903 г. в Вятке было издано первое собрание частушек Д. К. Зеленина; в 1913 г. в Ярославле – «Сборник деревенских частушек» В. И. Симакова; в 1914 г. вышел «Сборник великорусских частушек» Е. Н. Елеонской. Частушки публиковались также П. А. Флоренским, В. В. Князевым, Д. А. Марковым и др.

Определяя особенности этого жанра народного творчества, специалисты по фольклору отмечают, что частушки нередко представляют собой своеобразные микропьесы со своим сюжетом, намеком на характеры и обстоятельства развития действия, со своей внутренней драматургией, богатым психологическим содержанием. Для них характерны злободневность и реалистичность тематики, напевно-речитативный тип мелодики, афористичность и импровизационный характер выражения содержания, выразительность и разнообразие языковых средств, включая и нелитературные формы.

Разнообразен эмоциональный тон частушек. В них воплощаются как буйное веселье и радость, так и глубокое, безысходное горе и тоска. П. А. Флоренский писал: «Эта двойственность частушки, это шутовское в глубоком и глубокое в шутовском придают частушке дразнящую и задорную прелесть, постоянно напоминающую гейневскую музу. Как и у Гейне, в глубине частушки нетрудно разглядеть слезы и боль разбитого сердца; однако, как у поэта, так и у народа эти слезы и эта боль показаны более легкими, нежели они суть на деле» (там же, с. 12–13).

Согласно В. Ф. Чижу, не подлежит сомнению искренность и непосредственность частушек: мысли в них не стеснены литературной формой, выражаются смело и свободно.

Происходящее в окружающей действительности, ставшее предметом освещения, приобретает в частушках оригинальную личностную интерпретацию. Актуальные общественные события получают в них «своеобразное конкретно-личностное преломление в частных судьбах». Соответственно, «новое в общественной жизни порождает новые коллизии личного свойства. Эти коллизии, как правило,

и дают частушку» (Горелов, 1965, с. 11). Именно поэтому, по мнению А. А. Горелова, частушка «была и остается „первоисточником народной души“» (там же).

Подчеркивается особая психологическая насыщенность частушки: «каждая ее строчка „полна выражений индивидуального чувства в связи с обстоятельствами личной жизни“» (Колпакова, 1966, с. 267). В частушке представлены настроения и мысли героев, отношение к событиям и людям, их оценки. А. Калугина отмечает, что ни один жанр народной поэзии не сумел так глубоко раскрыть внутренний мир человека, его мысли, чувства, переживания от подросткового возраста до брака, как частушка.

Разнообразен и широк тематический диапазон частушек: частушки общественно-политические, бытовые, любовные и т. д. В частушках отражаются разные стороны жизни людей, хотя преобладающей является любовно-бытовая тематика.

В. Ф. Чиж о частушке как источнике изучения бытовой жизни и менталитете деревенской молодежи

Психология деревенской молодежи представляет собой актуальную проблему в любой период истории страны. В дореволюционной психологии эта проблема получила оригинальную трактовку в работе Владимира Федоровича Чижа (1855–1922), известного русского психиатра и психолога, доктора медицины, писателя. Большую известность получили его работы, посвященные анализу личности выдающихся писателей: Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. С. Пушкина и др., а также политических и общественных деятелей: императора Павла I, А. А. Аракчеева, архимандрита Фотия. Каждому из них В. Ф. Чиж посвятил специальный труд.

В 1915 г. В. Ф. Чиж опубликовал свою последнюю работу, которая как бы выпадала из сферы его профессиональной деятельности, – «Психология деревенской частушки». Частушка оценивалась им как своеобразная модель, благодаря которой и через которую он пытался раскрыть различные нюансы психических состояний деревенской молодежи и выявить ряд важных аспектов ее жизнедеятельности.

По мнению Чижа, частушки мало изучены, в то время как они заслуживают всестороннего исследования из-за наличия в них глубокого социально-психологического содержания: «Изучение частушек уясняет нам наименее известное, наименее понятное – именно жизнь нашей деревни», – писал он (Чиж, 1915, с. 4). Он ставит перед собой задачу провести «посильный психологический анализ частуш-

ки» и на этой основе «осветить душевную жизнь народа, поскольку она проявляется в частушках». Чиж уверен, что частушка является «отражением души народа», а потому «было бы непростительным упущением не изучить это отражение недоступной нашему исследованию и... нам непонятной души народа» (там же, с. 4–5).

Чиж характеризует частушки как произведения коллективного творчества «молодой деревни», получившие «одобрение большинства и нашедшие распространение как самое верное отражение народной души». Их ценность он видит в том, что их «избрал и разработал сам народ, совершенно самостоятельно, независимо от каких-либо влияний и образцов» (там же, с. 5). Являясь стихийным деревенским творчеством, частушки, согласно автору, рождаются благодаря напряженному труду селян и выражают присущую им обширную палитру эмоций, чувств, переживаний.

В. Ф. Чиж задает вопрос, чем объясняется выбор народом именно частушки, а не других форм «для выражения своих мыслей и настроений», и почему она полюбилась народу. Ведь частушка и по форме, и по содержанию, уступает былине, песне и сказке.

Ответ на этот вопрос он видит в том, что частушка создается молодежью, а былины и песни – людьми много пережившими, много передумавшими, много переживавшими. Являясь продуктом юношеского творчества, частушка несет в себе отпечаток и его достоинств, и недостатков. Молодежь нашла в частушке форму для выражения того, что ей хочется сказать: легкость высказывания своих мыслей и «свои не развитые жизненным опытом и, увы, высшей культурой переживания» (там же, с. 7).

В. Ф. Чиж отмечает, что частушки позволяют узнать, о чем и как думает деревенская молодежь, выявить волнующие ее проблемы и отношение к ним. На этой основе можно охарактеризовать деревенскую молодежь, понять ее духовную жизнь и жизненные бытовые условия, уровень ее культуры и даже степень материального благосостояния.

По мнению автора, частушка должна вызывать симпатию потому, что ее распространение указывает на напряженную духовную жизнь деревенской молодежи: она самостоятельно, без чьей-либо помощи сумела найти наиболее подходящую форму своего творчества, создала множество частушек, в которых в доступном ей виде выразила свои мысли и переживания, внес тем самым свой вклад в «общую сокровищницу народного творчества». При этом подчеркивается, что у молодежи нет особой любви к великим образцам нашей поэзии.

Содержательный анализ частушек приводит Чижа к мысли, что большинство из них создано девушками (там же, с. 9). Отсюда

следует, что деревенская частушка, по сути, единственный памятник творчества деревенской девушки, ключ к проникновению в ее пока совершенно не исследованную психологию, что важно для понимания русского народа вообще. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что таким признанием Чиж создал своеобразный «памятник» деревенской девушке как натуре творческой и эмоциональной, способной к глубокому анализу и обобщению.

Чиж подчеркивает, что особенно интересны деревенской молодежи частушки о любви. И это неудивительно, так как душа и народа, и отдельного человека яснее и полнее всего проявляется в любви¹: «Изучая изображение любви в частушках, мы проникаем в сокровенные тайники народной души, постигаем самые тонкие, наименее уловимые оттенки духовной жизни народа», – пишет В. Ф. Чиж (там же, с. 10). Чтобы понять душу народа, надо знать, *как он любит*. Игнорирование интеллигенцией этой непреложной истины объясняет, почему она не способна понять народ и «как бы не существует для народа» (там же, с. 11).

Частушки о любви показывают, «насколько наш народ проникнут христианством, насколько христианство проникло в плоть и кровь нашего народа» (там же).

В них раскрываются высокая ценность любви, потребность в ней, презрение к тем, кто неспособен любить: *«Кто любви не имеет, тот проклятый человек»*, – поется в частушке.

В деревенской частушке перед слушателем зримо предстает психология деревенской девушки – ее запросы, нравственные нормы и качества: скромность, стыдливость (необходимость хранить любовь от посторонних глаз). Чиж отмечает, что девичья красота усиливает любовь, и это отражается в частушке в стремлении девушки быть привлекательной:

Купика-ка, батюшка, на платье
Голубова кумачу.
У цветка така рубаха,
Под один манер хочу.

Девушка понимает свое превосходство, осознает свою девичью силу:

Мои глазки, как алмазки,
Брови очень хороши.

1 Проблема любви В. Ф. Чиж посвятил специальную книгу «Психология любви» (1897). Он делает любопытное замечание, что во всех произведениях русской литературы, за исключением «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, речь идет о любви.

Кто ни взглянет – сердце свянет,
Останется без души.

Скромность не позволяет девушке признаться в любви до тех пор,
пока она не убедится, что любима:

Кабы знала совершенно,
Что вы любите меня,
Я б сказала откровенно:
«Дорогой, люблю тебя».

Несмотря на краткость и лапидарность выражения мыслей и чувств в частушках о любви, они, по мнению Чижа, позволяют проследить «начало, развитие и исход любви у нашей деревенской молодежи, насколько глубоко захватывает всю душу это душевное состояние и насколько любовь скрашивает тяжкую жизнь нашего народа» (там же, с. 12).

Показано, как развивается взаимная симпатия молодых людей, отмечается особая роль их духовного общения, приносящего истинное наслаждение. Когда чувство появилось, то внешние препятствия уже не действуют, в том числе и запреты родителей. Волей девушки начинает управлять любовь: желание быть вместе с милым оказывается сильнее всего. Так было в весьма далекие времена, так происходит и в настоящее время, т. е. можно говорить об определенной закономерности: любовь сильнее всех преград.

В частушках отражается строгость нравов деревни, предъявляющей к поведению молодых людей высокие и жесткие требования. Так, девушка знает, что ей дозволено, а что запрещено, и ведет себя с достоинством. Но, несмотря на это, в жизни бывают и падения, и тогда девушка подвергается осуждению.

Русская частушка выражает воззрения молодежи на любовь: влюбленные счастливы, когда видят друг друга, вместе работают; любовь наполняет их душу, определяет ее содержание, поднимает настроение, создает поэтическое настроение:

Хоть не вместе мы с тобой,
Часть души во мне твоей.

Меткие короткие изречения передают тонкости душевного настроения:

Чернобровая беляночка
С ума меня свела.
Спать ложился, не молился,
Все я думал про тебя.

В частушке выражается широкая палитра чувств – радость при свидании; грусть и скорбь при разлуке; забота и нежность о любимом, желание разделить с ним все превратности судьбы:

– Не ходи милашка тут,
Ты утонешь, берег крут.
– Ягодиночка ты мой,
Рада я тонуть с тобой.

В. Ф. Чиж пишет, что ясный, трезвый ум русского народа проявляется в понимании смысла любви: она должна вести к браку, умножать счастье, обеспечивать жизненное благополучие и поддержку. Девушка считает, что любить надо того, за кого можно выйти замуж; так же думают и парни:

Хорошо траву косить,
Котора сама косится:
Хорошо милку любить,
Котора замуж просится.

Не люби, парень, мещанку,
Люби девушку-крестьянку.
Ведь крестьянка жнет и косит,
А мещанка чаю просит.

Вместе с тем отражается понимание возможности разочарования в любви, осознание того, что вечной любви не бывает, а следовательно, необходимости разумного отношения к этому:

Мало ли случается:
Любят, отступаются.
Не найти такой березки,
Чтобы дождик не полил;
Не найти такого дружка,
Чтоб вовеки не забыл.
Раньше реченька бежала,
Нынче высохла она.
Раньше милочка любила,
Теперь бросила меня.

В. Ф. Чиж обращает внимание на выразительность и богатство языка частушки, в чем, в свою очередь, проявляется богатство душевной жизни. Он называет 57 разнообразных слов, выражающих предмет любви и имеющих наибольшую ценность для влюбленных. Так, любимых называют «миленком», «ягодкой», «картиночкой», «кровиночкой» и т. д.

Психология деревенских жителей отличается нравственностью, следованием моральным устоям: «Наш народ так деликатен, так чуток к добру и злу, что даже не говорит о том, о чем не следует говорить...» (там же, с. 27). Например, он не хочет говорить об адюльтере, об ухаживании женатого, что считается зазорным, противоречащим моральным нормам. Вместе с тем русские не выносят лицемерия, трезво смотрят на вещи и не закрывают глаза на отрицательные явления жизни (там же).

Интересно замечание Чижа о различии великорусских и белорусских частушек. У великоруссов нет частушек о тяжелом материальном положении. Великорусская частушка поражает ярким реализмом, трезвостью мысли, практичностью воззрений. Так, девушка в парне ценит ум и другие духовные качества. Она отчетливо понимает, что за глупого парня замуж выходить не стоит, осознает ценность душевных качеств своего избранника; она и в себе ум и хороший характер ставит выше богатства и красоты. Для нее характерны практическая сметка, трезвость ума, понимание своих семейных обязанностей и необходимых для их выполнения свойств – высокой работоспособности и подготовленности к трудовой жизни. Нельзя вступать в брак, не умея работать, ничего не имея. «Едва ли можно сомневаться в великом будущем народа, который смолоду так уважает труд, который так отчетливо понимает, что мир – не храм, а мастерская», – пишет В. Ф. Чиж (там же, с. 32).

Деликатность русского народа проявляется в отсутствии высмеивания бедности. С насмешкой деревенская молодежь относится к лениности и кокетству, а также к пьянству.

Согласно В. Ф. Чижу, наш народ «больше всего, выше всего ценит труд; народ не уважает того, кто не работает, и не завидует ему...» (там же). А так как он не видит и не знает работающей, трудовой интеллигенции, то и не может ее уважать. В связи с этим даже народный учитель не оценен народом. В одной деревенской частушке это выражено в следующей саркастической форме:

Милые родители,
Отдайте за учителя.
Он будет книжечки читать,
А я слушать, да лежать.

В своем анализе деревенской частушки В. Ф. Чиж подчеркивает, что деревенская молодежь с пониманием относится к своим гражданским обязанностям, например, к службе в армии. Народ примирится с воинской повинностью, считая ее почетной и необходимой. Девушка с пониманием воспринимает известие о призыве

ее возлюбленного в армию, надеясь на то, что расставание не остудит их чувств.

Частушки оперативно отзываются на все явления и события жизни, например, отражают мнение народа о Государственной думе, о различных политических партиях.

Кроме того, в частушках раскрывается бытовая сторона жизни, связанная с эстетическими запросами: можно увидеть, как одеваются девушки и парни, какие туалеты им нравятся, считаются модными.

Огромное огорчение, как пишет Чиж, вызывает тот факт, что деревенская молодежь находится вдали от просвещения и образования. Наука и искусство совсем ей неизвестны. Интеллигенция, живущая за счет народа, пока ничего не дала народу: «Народ ничего не получает от интеллигенции; наука и искусство не проникли в народ, не существуют для народа, и даже молодая деревня при всей ее восприимчивости, не подозревает о существовании науки и искусства» (там же, с. 44). Не только для Чижа, но и для читателей поразителен тот факт, что, будучи в таком отрыве от искусства и науки, деревенская молодежь сознательно или бессознательно, но находит верные пути своей жизни и правильные способы выражения своих состояний, соблюдает моральный кодекс чести. В определенной степени это есть некая тайна жизни, которую демонстрирует деревенская молодежь.

Заключение

Таким образом, психологический анализ русской частушки, осуществленный В. Ф. Чижом, раскрывает менталитет русской крестьянской молодежи, характеризующийся приверженностью к православной вере, стремлением соблюдать Христовы заповеди, жить «по правде», следовать принципам морали, добросовестно трудиться и выполнять свой общественный долг перед Отечеством. Подчеркивается трезвость в понимании явлений и событий, в решении частных проблем (выборе партнера для семейной жизни), самооценке и оценке окружающих. Отмечается огромный творческий потенциал русского народа, создателя уникальных продуктов народного творчества, ярким примером чего выступают частушки.

Литература

Горелов А. А. Русская частушка в записях советского времени // Частушки в записях советского времени. М.–Л., 1965.

- Колпакова Н. П. Типы народной частушки // Русский фольклор. М.–Л., 1966. Т. 10.
- Кулагина А. В. Мир народной песни // Русские народные песни. Романсы. Частушки / Сост. А. В. Кулагина. М., 2009. С. 23–53.
- Флоренский П. А. Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда // Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1909.
- Чиж В. Ф. Психология деревенской частушки. Юрьев, 1915.

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ И ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ГЕНЕЗИС И СУДЬБА СОВЕТСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И ИДЕАЛОВ¹

М. И. Воловикова (Москва)

Постановка проблемы

При обсуждении проблем российского менталитета нужно учитывать одну из существенных переменных – временной интервал, о котором идет речь. Еще четверть века назад история в нашей стране отсчитывалась от 1917 года. «Начинается Земля, как известно, от Кремля», – в этих словах В. В. Маяковского в поэтической форме выражена мысль о прерывности российской истории, воспроизводимой на уровне существовавших в советский период представлений.

Из столетия в столетие наблюдается практика «переписывания» истории Государства Российского, что выразилось в шутиловом: «Россия – страна с непредсказуемым прошлым». В 1990-х годах произошло отречение от советского периода, заодно со всеми его ценностями и достижениями. Наша непредсказуемая история начала свой новый отсчет, на этот раз уже с 1991 г., поскольку советский период воспринимался как сплошная ошибка, а дореволюционный, из-за недостатка исторических знаний, выглядел весьма туманным. В настоящее время уже четко осознается потребность в едином взгляде на российскую историю, но этому мешает отсутствие конструктивного анализа достижений и просчетов советского этапа развития страны.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 16-06-00859.

Праздники советского периода: психолого-исторический анализ

Одним из перспективных направлений исследования явилось обращение отечественных психологов к теме «историческая память» (Емельянова, 2016). Нам представляется, что в русле такого подхода находится и наше многолетнее исследование сложившихся представлений о подлинном («настоящем») празднике (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003; Борисова, Воловикова, 2016). Тема праздника позволяет выявить глубинные основания ценностной картины мира, поскольку она обращена к самым позитивным переживаниям человека, разделяемым им с другими людьми. Эта тема позволяет на конкретных образах и примерах показать, сколь неоднозначен и неравномерен был советский период отечественной истории.

О масштабе происходящих после Октябрьской революции изменений говорит тот факт, что из 30 официальных государственных праздников Государства Российского в календаре 1918 г. не осталось ни одного. Новые праздники еще не возникли, а прежние были отвергнуты.

Самый ощутимый удар по дореволюционному праздничному календарю был нанесен переходом с юлианского на григорианское («европейское») летоисчисление. В календаре за 1918 г. после 31 января сразу идет 14 февраля, а Новый год после замены «старого стиля» на «новый стиль» предшествует Рождеству. Но и само Рождество постепенно оказалось под запретом, не говоря о Пасхе – главном празднике страны, задававшем почти тысячу лет ритм праздничной общественной жизни (Громыко, 1991).

В календаре за 1911 г. обозначены как официальные праздники следующие дни (по старому стилю): 1 и 6 января; 2, 18, 19 февраля; 7–16 и 23 апреля; 6, 9, 14, 19, 25 и 29 мая; 29 июня, 22 и 30 июля; 8, 15, 29 и 30 августа; 8, 14, 28 сентября; 1, 5, 21 и 22 октября; 14 и 21 ноября; 6 и 25–27 декабря. Все праздники (кроме Царских дней) – православные, что естественно, так как Россия была православной державой. Праздник 21 октября из дореволюционного календаря как раз соответствует по новому стилю празднику 4 ноября. Праздник был установлен в честь конца Смутного времени, сохранения Государства Российского и отмечался два дня – 21 и 22 октября (4–5 ноября по новому стилю).

Особенность первого послереволюционного периода, который мы относим к 1920-м–началу 1930-х годов, состояла в попытке строить новую жизнь с «чистого листа». Запрету подвергались не толь-

ко прежние праздники, но даже сказки как вид художественной литературы для детей и танцы. Однако оказалось, что свободное проявление творческого духа человека запретам не поддается, а, видоизменяясь, прорастает вновь. И сказки, и танцы сохранились. Сохранился и недельный пасхальный ритм, так как вводимые «пятидневки», «десятидневки», «двенадцатидневки» не прижились, и в календарь вернулось воскресенье – «малая Пасха», с которого прежде начиналась, а теперь завершается неделя. Славянское название воскресенья – «неделя» (день, в который не положено работать – «не-деля»), по сути, символизировало запрет трудиться на Пасху, так как происходящее в духовном мире в эти светлые дни («светлую седмицу») важнее для духовной жизни человека, чем практические достижения.

Другие с детства привычные атрибуты Пасхи – «крашенки» (крашеные яйца), куличи и пасхи до конца всего советского периода находились под негласным запретом, хотя традиция и здесь проросла «кексом весенним», появившимся в булочных в канун Пасхи.

А вот с Рождеством расправиться не удалось, несмотря на запреты наряжать елку. Как раз в середине 1930-х годов начинается, с нашей точки зрения, второй этап советского периода, отличный от предыдущего, разрушительного. Укрепляется государство и вместе с этим появляется потребность в общих праздниках. Оказалось, что одними репрессиями страну не сплотить. Строительству новой идеологии служат блистательные «киномифы» Г. В. Александрова и И. А. Пырьева, творчество многих советских писателей, поэтов. Тогда же вспоминают и о празднике, о том ресурсе, который он открывает в деле воспитания подрастающего поколения.

27 декабря 1935 г. на слете стахановцев лидер украинских комсомольцев Павел Постышев произнес речь «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку» (на следующий день опубликованную в «Правде»), в которой заявил: «Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны?» (Постышев, 1935, с. 1). Уже 30 декабря в Москве и больших городах появились елочные базары. В 1937 г. в Колонном зале прошла первая «Кремлевская» елка. Так запрещенное Рождество «проросло» у нас удивительным «русским Новым годом». Новый год сохранил во многом рождественскую атрибутику: наряженную елку, подарки, детские праздники – спектакли о победе добра над злом. Дед Мороз и Снегурочка (в общем-то, языческие персонажи) воплощали чудесную сторону праздника. А если посмотреть более поздние советские новогодние открытки, то на них заметна рождественская символи-

ка в виде рождения Нового года-младенца. Рождественскую звезду на елке заменила пятиконечная.

Нерабочим Новый год стал только в 1946 г., но даже во время войны взрослые старались устраивать «елки» для ребят. Из воспоминаний, приведенных в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина, следует, что новогоднюю елку устраивали детям даже в 1942 г. в блокадном Ленинграде (Адамович, Гранин, 1982).

В нашем исследовании, проведенном в начале 2000-х годов совместно с А. М. Борисовой и С. В. Тихомировой (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003), приведено воспоминание, в котором 30-летняя женщина из Кабардино-Балкарии называет «настоящим праздником» встречу Нового года в детстве: «Я с братом ходила на утренники в детский садик и к маме на работу. Мы набирали массу подарков, и жизнь казалась бесконечно счастливой». По ее словам, празднование Нового года запомнилось «ожиданием чуда, каникулами и выходными, которые мы проводили все вместе».

Рассказ настолько типичный, что мы пришли к выводу о том, что «русский Новый год» стал в нашей стране прототипом, образцом подлинного («настоящего») праздника. Почему «русский»? Потому что остальной христианский мир празднует Рождество. На Новый год елки начинают убирать, а не ставить.

Однако лишенный видимого религиозного контекста наш Новый год смог объединить многочисленные российские народы в едином празднике, когда ровно в полночь вместе отмечается продвижение нового года по стране от одного часового пояса к другому, граждане СССР в эти мгновения ощущают огромные расстояния и просторы родной страны, чувствуют свою причастность к ней и всему населяющему ее народу, возвращаются мысленно к детству с его верой в чудо и надеждой на светлое будущее.

Но вся эта новая картина праздников сложилась в более поздний период. В 1941 г. началась Великая Отечественная война, продлившаяся четыре года и ставшая поворотным периодом в жизни страны и мира. Христианские корни нашей культуры, запрятанные после революции из-за репрессий, проросли подвигами воинства и граждан Великой Победой. Войну выиграли поколения, сформировавшиеся еще в прежней России, воспитанные людьми, привычными к тяжелому труду, надежными и любящими Родину. Символично, что день 9 мая 1945 г. пришелся на Светлую (пасхальную) седмицу.

Вторая попытка начать строительство нового мира с «чистого листа» во время «хрущевской оттепели» имела уже менее разрушительные последствия и завершилась периодом, называемым «брежневским застоем», хотя на самом деле оказавшимся самым

спокойным и гармоничным временем существования Советского государства. Именно к этому периоду сложились официальные праздники, которые стали меняться с очередным изменением общественного строя уже в постсоветской России.

Итак, бедный на праздники календарь советской эпохи скупое пополнялся новыми датами. В 1941 г. нерабочими днями были 1 и 2 мая (Международный праздник трудящихся), 7 и 8 ноября (Великая Октябрьская революция), 5 декабря (сталинская Конституция). Нерабочим был и день смерти Ленина – 22 января. Последнее, возможно, означало попытку устройства «новой пасхи» с «вечно живым» вождем, но здесь чудесной подмены праздника, как случилось с Новым годом, не произошло. Праздник не прижился. В 1979 г. происходит перенос Дня конституции с 5 декабря на 7 октября. В календаре 1981 г. появляется День Победы – 9 Мая. Последняя прибавка праздничного календаря советской эпохи – это Международный женский день (8 Марта), отчасти выполняющий роль Дня Матери.

В воспоминаниях наших респондентов нашлось много теплых слов и о Женском дне, и о 1 Мая, и о празднике Великого Октября, ставшем семейным праздником. Отчасти это было связано с редкой возможностью иметь два подряд выходных дня, чтобы поехать в гости к родным и друзьям. И спустя много лет воспоминания о таких встречах наполнены искренностью и любовью к близким людям (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003).

С нашей точки зрения, праздники советского периода можно считать уникальным явлением мировой культуры, поскольку в них под прикрытием коммунистической идеологии нашли воплощение христианские ценности и идеалы любви к людям, надежды на светлое будущее и веры в окончательную победу добра. Так, празднование 7 Ноября для некоторых из наших пожилых сограждан заменило Пасху. По крайней мере, наблюдалось стремление соблюдать правило «не-дели»: готовиться к празднику заранее, убираться, делать запас праздничной еды, чтобы в сам праздник не работать, не готовить и т. п. И смысл у этого праздника был гуманный: торжество идеалов равенства, братства, справедливости. Тем тяжелее для этих людей стала перестройка общественного строя, включающая изменение календаря «осенних праздников».

В свое время М. М. Бахтин подчеркивал: «Никакое „упражнение“ в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая „игра в труд“ и никакой отдых для передышки в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной формы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны полу-

читать санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, т. е. из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности» (Бахтин, 1990, с. 13–14).

То, что праздник нельзя просто «назначить» и что основанием подлинного праздника являются разделяемые большинством ценности и идеалы, доказывается неудачным опытом замены дня Октябрьской революции сначала на День примирения и согласия, а затем на День народного единства (с переносом даты с 7 на 4 ноября). Конечно, официально о «замене» не говорилось, но именно так воспринималось нововведение населением, особенно пожилыми людьми (Борисова, Воловикова, 2016). Дело в том, что советский период имел свои достижения, забвение которых вызывает чувство обиды или растерянности. Идеалы дружбы, равенства, братства народов, взаимопомощи, ценности семьи и труда, пренебрежения богатством, поиска высших смыслов в любви к Отчизне, защите ее, не жалея собственной жизни, воспитания детей в доброте, радости жизни и оптимизме – вот небольшой перечень достижений поздней советской эпохи. С изменением общественного строя эти ценности подвергались испытаниям, и многие из них оказались девальвированными. Однако сожаление об окончании «прекрасной эпохи» при этом могло только нарастать. Стираются из памяти противоречия и недостатки, такие как лживость официальной пропаганды, репрессии за инакомыслие, давление государства на все сферы жизни человека, противоречивость принятой идеологии. В памяти остается, прежде всего, хорошее: спокойная и безопасная жизнь, счастливое детство, обеспеченная старость...

В ценностях советского периода проросли христианские ценности и идеалы, составляющие основу российского менталитета. Государство Российское образовалось с принятием православия, и революционный «запрет» на веру не смог полностью ее искоренить. Во многом идеал мира, любви и добра сохранился в российском менталитете в советский период благодаря праздничной культуре.

В праздничной культуре личностью и обществом осуществляется свободный поиск такого события, которое отвечает самым глубоким устремлениям и потребностям человека в обретении смысла. Так, движение «Бессмертный полк» оказалось настолько востребованным, что уже в 2016 г. превратилось в могучий праздник, в котором слились воедино любовь к родине и благодарная память потомков о тех, кто добыл победу, не жалея своей жизни.

Замечательный современный психолог Алексей Сергеевич Чернышев поделился с автором своими впечатлениями о праздновании Дня Победы 9 мая 2016 г.: «Я шел в „Бессмертном полку“ с сыном (семеро Чернышевых не вернулось с войны из девяти ушедших на фронт). Вот вам пример качественного обогащения психологии праздника за счет актуализации теплоты родственных связей потомков с конкретными победителями и повышения личностной значимости данного потомка как соучастника яркого, масштабного, социального действия... Жаль, что не мы, психологи, предложили этот способ духовного единения не только россиян, но и других народов».

Другое наблюдение того, как праздник День Победы укрепился акцией «Бессмертный полк», давая личности переживание радостного единства с миром и с другими – живыми и положившими свою жизнь в битве с фашизмом, сделано политологом Натальей Алексеевной Нарочницкой. Опубликованное воспоминание относится к 2015 г., когда акция только зарождалась. На вопрос о самых памятных событиях уходящего года она ответила: «Для меня главным событием, под впечатлением от которого я до сих пор нахожусь, стала акция „Бессмертный полк“. Я прошла в марше с портретом своей мамы – партизанки; со мной рядом шел мой двоюродный брат с портретом его отца, маминой сестры – его мамы; со мной шел англичанин с портретами своего дяди и отца – один летчик, другой служил в арктическом северном конвое; шли французы... Вокруг были незнакомые люди, с которыми мы обнимались, целовались, танцевали; я не помню такого ощущения единения и какого-то вот именно единства нации, у которой есть чисто исторические переживания. И французы, с которыми мы потом поздно вечером встретились в кафе, были просто потрясены, сказали: „Пусть наша поганая пресса пишет что угодно, сегодня мы видели настоящую Россию, видели то, чего не увидишь ни в одной западноевропейской стране“. Особенно их поразило, что в марше шли в основном молодые люди – от 25 до 45 лет; шли с детьми, с прогулочными колясками. С такой молодежью, по их мнению, Россия переживет все. Если в подобные минуты нация способна отбросить все, что разделяет – экономическое, социальное, мировоззренческое, – и единым целым, единым „хором“ выступить, то это абсолютно непобедимо» (цит. по: Филатов, 2015).

В 2016 г. «Бессмертный полк» разросся до мощного людского потока, охватившего многие города, регионы и даже страны. Именно он стал подлинным днем народного единства, поскольку точно выразил то, что нас объединяет. Это наше прошлое, наши герои, наши предки, наши ценности и идеалы.

Заключение

Тема преемственности ценностей и идеалов в отечественной культуре исключительно сложна. Встает вопрос: что и как мы можем передавать последующим поколениям? И вообще, какова направленность происходящих изменений?

В передаче «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале Россия-1 от 27 марта 2016 (Соловьев, 2016) одним из участников были озвучены декларируемые цели изучения литературы в школе в 2004 г. и 2015 г. В 2004 г. эти цели звучали так: «воспитание духовно развитой личности, готовой к самопознанию и самосовершенствованию, готовой к созидательной деятельности в современном мире, формирование гуманистического мировоззрения, национального самосознания, гражданской позиции, чувства патриотизма, любви и уважения к литературе, ценностям отечественной культуры». Цели изучения предмета «литература», сформулированные в 2015 г., существенно отличаются: «формирование читательского восприятия и понимания литературных текстов, читательской самостоятельности и речевых компетенций».

Ценности и идеалы передаются не «компетенциями», а путем эмоционального сопереживания, подражания нравственным поступкам близких взрослых или героев великой русской литературы и в целом отечественной культурой.

Психологический потенциал праздничной культуры в свободной передаче новым поколениям ценностей и идеалов, составляющих основу российского менталитета, нельзя недооценивать. Его надо исследовать и активно применять полученные знания на практике.

Литература

- Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М., 1982.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Воловикова М. И., Борисова А. М. Динамика социальных представлений о новом государственном празднике в период 2007–2015 гг. // Социальная и экономическая психология: Электронный журнал Института психологии РАН. 2016. Т. 1. № 1. С. 41–60. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document210.pdf> (дата обращения: 12. 09.2016).
- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М., 2003.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М., 2016.

Постышев П. Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку // Правда. 1935. 28 дек.

Соловьёв В. Эфир 27.03.2016. URL: <http://vsoloviev.ru/sunday/3524> (дата обращения: 10.08.2016).

Филатов Н. Беседа с политологом Натальей Нарочницкой о событиях уходящего года и консервативном движении Запада // Православие.ру. 2015. 29 дек. URL: <http://www.pravoslavie.ru/89227.html> (дата обращения: 19.01.2016).

«ЛОМОНОСОВСКАЯ ЛИНИЯ» В ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАРОДНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА И ПРАЗДНИЧНО-ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

С. В. Григорьев (Москва)

Этнопсихологическая составляющая характерна для многих масштабных психологических исследований отечественных ученых, конкретных научных проектов, прогнозного социально-психологического видения и планирования будущего науки. Особенности российского менталитета проявляются в истории отечественных этнографических исследований материальной и духовной культуры народов многонациональной страны, формировании важнейших музейных фондов и научных архивов. Обращение к историогенезу позволяет увеличить «историческую глубину» наших знаний об отечественных этнопсихологических исследованиях (вернее, их своеобразной предыстории) в XVIII в., когда начиналось формирование первых музейных этнографических коллекций и архивов. Они составляют предметно-материальную основу этнографии, которая рассматривалась во второй половине XIX в. в двух аспектах – как материальная и духовная («этнография физическая» и «этнография психическая»). Связывая начало социально-психологических исследований в России с развитием этнической психологии, Е. А. Будилова указывает, что в середине XIX в. эти вопросы решались в контекстах более общей проблемы – «проблемы народности» – с постепенным переходом от описаний и фиксаций сведений к «объясняющей науке» (Будилова, 1983; 2008).

В современных условиях, принимая в целях историко-психологической реконструкции представления XIX столетия о разделении

этнографических знаний на материально-вещественные и духовно-психические, мы нередко получаем возможность изучать историогенез и источниковедение ряда проблем, соединяя этнопсихологию не только с этнографией-этнологией, но и археологическими материалами, документоведением и другими научными дисциплинами исторического профиля. Так, Новгородские археологические находки последних десятилетий существенным образом изменили наши представления о культуре, позволяя рассматривать и реконструировать материальную культуру, уровень образованности (956 новгородских берестяных грамот XI в. из 1023, найденных в России на 2016 г.), празднично-игровую культуру, включая тысячи находок игрушек, игровых предметов и сооружений, масок и музыкальных инструментов начиная с IX столетия.

Используя слова М. В. Ломоносова, можно заниматься «проницательством смысла», опираясь на историко-психологическое прослеживание-мониторинг развития игровой и празднично-игровой культуры населения на протяжении тысячелетий, соединяя археологию вещей, письменные источники и архивы (преимущественно с XV в.), этнографию и этнопсихологию начиная с середины XIX столетия. Важнейшим и определяющим моментом историко-психологического рассмотрения, в частности, научной реконструкции длительных по времени процессов развития, является воссоздание целостности, аутентичности народного психологического опыта. При этом используются не только методологические наработки и практики возрождения празднично-игровых традиций, но и факторы среды: музеи деревянного зодчества, предметно-игровая среда археологических и этнографических музеев-заповедников.

Опытно-экспериментальная деятельность в сфере социальной экологии и исторической психологии празднично-игровой культуры народов и регионов России проводится нами более 30 лет. Праздники «День народных игр в Витославицах» в 1986 г. положили начало возрождению празднично-игровых традиций Новгородской земли, в котором ныне участвует уже второе и даже третье поколение детей, демонстрируя «реальную связь веков и поколений» (Итс, 1986) в историческом процессе.

Вопрос о «ломоносовской линии» в истории отечественной науки возник в период подготовки к празднованию 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова и нашел отражение в личных архивах академиков В. И. Вернадского и А. П. Павлова за 1910 г. и последующие годы (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 8 и Ф. 48. Оп. 1а. Ед. хр. 4). В современном научном тезаурусе существует множество сочетаний слов, восходящих к имени М. В. Ломоносова, но именно «ломо-

носовская линия в науке» удачно фиксирует некоторые этнопсихологические особенности научного менталитета, проявляющиеся, в частности, в идеях целостного исследования народного психологического опыта, соединения исторического и психолого-биографического типа научных знаний, научно-мировоззренческих аспектах деятельности в науке.

В 1867 г., когда американским философом Р. Эмерсоном было впервые применено понятие «менталитет», в Москве открывалась готовящаяся несколько лет всей научной общественностью Этнографическая выставка, имевшая огромный успех и оказавшая большое влияние на развитие всей системы этнографических знаний. Материалы этой этнографической выставки стали основой для русского фонда современных музеев Москвы и Санкт-Петербурга (Шангина, 1997) и последующих кросс-культурных и типологических исследований. «Для нас праздничная сторона, внешний успех и даже сырой материал, собранный выставкой, как бы богат он ни был, составляет только средство, подготовительное орудие», – пишет в предисловии к книге по итогам Этнографической выставки 1867 г. один из ее главных организаторов, профессор Московского университета А. П. Богданов. «Дело, для которого устраивалась выставка, обыкновенно только начиналось серьезно с окончания ее, и время показывало только, насколько ученая задача осуществилась» (Антропологическая выставка..., 1879–1880, с. 2). Это в полной мере относится ко всем трем прогремевшим в Москве и стране грандиозным по масштабу выставкам: Этнографической (1867), Антропологической (1879) и Политехнических (1870; 1872). Они устраивались Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете.

Общественные организации играли в России исключительную роль в собирательской и отчасти собственно исследовательской деятельности в силу высокой активности образованной части общества, жесткой регламентации деятельности официальных организаций и узости профессионального «ученого» сословия в период становления отечественной этнографии и психологии. Обращение к научным биографиям отечественных исследователей содействует не только дополнению привычных исторических обзоров, часто порождающих стереотипы восприятия, но и возрождению значимых для этнопсихологии, этнопедагогики, этнокультуры детства и т. п. имен: И. Г. Вознесенского (XVIII в.), Е. А. Покровского (XIX в.), Г. С. Виноградова (XX в.) и др. Сопоставление биографий в историческом пространстве развития и на «стреле времени» (по И. Пригожину) раскрывает взаимосвязи «внешнее через внутреннее», выявляя ти-